

А. Д. Курилова
Первый МГМУ имени И. М. Сеченова (Сеченовский Университет),
Москва, Россия. akurilova@mail.ru

ИРОНИЯ В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКИХ РУКОПИСНЫХ РИТОРИК XVIII ВЕКА НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается трактовка иронии в учебных рукописных руководствах по риторике, составленных в России XVIII века на латинском языке. Отмечается, что авторы руководств уделяли значительное внимание изложению теории тропов и фигур. Как правило, тропы включали в состав учения о словесном выражении, образующего третью часть античного пятичастного риторического канона, но в большинстве случаев данная тема рассматривалась в самом начале курса как одно из начал риторики, без освоения которых невозможно изучение теории красноречия. В статье показано, как авторы рукописных риторик определяют место иронии в классификации тропов и фигур, выделяют и характеризуют её разновидности, указывают функции и возможности употребления иронии в ораторских выступлениях. Уделяется внимание трактовке иронии в античной и новолатинской риторике, определяется связь толкования иронии в рассматриваемых рукописных риториках с предшествующей традицией.

Ключевые слова: риторика, латинский язык, семинарское образование в России XVIII века, ирония.

A. D. Kurilova
I. M. Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia.
akurilova@mail.ru

Interpretation of irony in Latin handwritten rhetoric books composed in Russia in the 18th century

The article discusses the interpretation of irony in Latin handwritten manuals on rhetoric composed in Russia in the 18th century. It is noted that the authors of the manuals paid considerable attention to the presentation of the theory of tropes and figures. As a rule, it was a part of the doctrine of verbal expression, which forms the third part of the ancient five-part rhetorical canon, but in Russian rhetorical manuals this topic was considered at the very beginning of the course as one of the principles of rhetoric, without mastering which it is impossible to study the theory of eloquence. The article shows how the authors of handwritten rhetoric books determine the place of irony in the classification of tropes and figures, identify and characterize its varieties, indicate the functions and

possibilities of using irony in oratory. Attention is paid to the interpretation of irony in ancient and Neo-Latin rhetoric, and the connection between the interpretation of irony in the considered handwritten rhetoric books and the previous tradition is described.

Keywords: rhetoric, the Latin language, seminary education in 18th century Russia, irony.

Классификации тропов и фигур, сопровождаемой советами по их применению в речах, отведено важное место в риторических руководствах XVIII века, составленных для преподавания в духовных и светских учебных заведениях России. Хотя учение о тропах и фигурах в античной риторике рассматривалось в рамках теории словесного выражения, третьей части риторического канона, в большинстве случаев составители российских руководств считали необходимым познакомить с ними учащихся в самом начале изучения риторики. Так, автор риторики 1766 г. из Нижегородской семинарии вынес эти сведения за пределы канона, расположив раздел о тропах и фигурах в первой части своего руководства, озаглавленной «О началах риторики» (*Pars prima tirocinia eloquentiae continens*) (*Rhetorica* 1766: 12 (об)). Авторы риторик из Коломны (*Praecepta de arte rhetorica* 1761) и Рязани (*Praecepta oratoria* 1759) поместили главы о тропах и фигурах в раздел “*Elocutio*” (словесное выражение), но поменяли местами части античного пятичастного канона, поставив “*Elocutio*” на первое место. Такое расположение материала о тропах и фигурах свидетельствует об основополагающем значении, которое ему придавалось. Без освоения этой риторической «азбуки» считалось невозможным приступить к подготовке ораторского выступления.

Среди тропов, применение которых в речах требовало особого внимания, выделяли метафору, метонимию, синекдоху и иронию. Именно эти тропы называют основными авторы разных руководств (*Rhetorica* 1766: 12 (об); *Vasilevicz* 1756: 25 (об)), остальные тропы считая их вариантами (*species*). Составитель вологодской риторики употребляет слово *species* для обозначения основных видов тропов, а их варианты — гиперболу, аллегория, катахрезу, антономасию — определяет как состояния (*affectiones*) (*Nastavleniya* 1764: 27 (об)).

Я. Н. Любарский отмечает «необыкновенную широту» семантического поля *ἔρων / εἰρωνεία* как в античности, так и в византийский период (Lyubarsky 2012b: 461). Если для Аристотеля *εἰρωνεία* означала притворство в сторону преуменьшения, а

притворство в сторону преувеличения определялось словом ἀλαζονεία (Eth. Nic. 1108A 20), то в позднейшей риторике понятие иронии включало в себя оба этих значения с различными семантическими оттенками.

В определениях иронии, приводимых в российских рукописных риториках, так или иначе подчёркивается несоответствие выражения и содержания. Автор нижегородского руководства определяет иронию как притворство в речах (“dissimulatio in oratione”), когда сказанное следует понимать в противоположном значении: “tropus, quod per id, quod dicitur contrarium intellegitur” (Rhetorica 1766: 14 (об)). Развёрнутое определение иронии приводит автор московского руководства 1743–1744 г.: “Ironia quo ad vocem significat illusionem quo ad rem est oratio pronuntiationis gravitate negligens sensum verborum vel est oratio non solum aliud verbis et aliud sensu ostendens sed etiam contrarium significans” («Ирония буквально означает насмешку, а на деле это речь, произносимая серьёзно, но отступающая от смысла слов, или речь, не только передающая словами одно, а по сути выражающая другое, но даже означающая противоположное (сказанному)») (Eloquentia 1743–1744: 17 (об)). В этом определении важно указание на значимость интонации для выражения иронии.

В вопросе о месте иронии в классификации тропов в классической риторике не было единства мнений. Так, многие авторы рассматривали иронию как разновидность (species) аллегии (например, Квинтилиан (*Inst. Orat.* VIII, vi, 54), Элий Донат в сочинении “De tropis” (17a)). Сходство аллегии и иронии отмечает и составитель рукописной риторики из Вологды (Nastavleniya 1764: 31 (об)), однако считает аллегию состоянием метафоры (Nastavleniya 1764: 31), а иронию — самостоятельным тропом.

Ирония в широком смысле слова понималась как наличие в высказывании имплицитного смысла, весь текст или его фрагмент мог быть окрашен иронией. Такой вид иронии Квинтилиан относил к фигурам, а не к тропам (*Inst. Orat.* IX, i, 7), и в качестве примера наиболее протяжённого проявления иронии привёл жизнь Сократа: “etiam vita universa ironiam habere videatur, qualis est visa Socratis; nam ideo dictus εἴρων, agens imperitum et admiratorem aliorum tanquam sapientium” («кажется, даже целая жизнь может содержать в себе иронию, каковой представляется жизнь Сократа; ведь потому его называли εἴρων (иронистом), что он играл роль несведущего почитателя других

мудрецов») (*Inst. Orat.* IX, ii, 46). Так как, по словам Квинтилиана, всё искусство говорить остроумно заключается в том, чтобы в речи отступать от правильного и истинного: “Et hercule omnis salse dicendi ratio in eo est, ut aliter, quam est rectum verumque, dicatur” (*Inst. orat.* VI, iii, 89), ирония, по определению заключающаяся в придании иного смысла высказыванию, считалась одним из наиболее ярких проявлений остроумия в речи.

Ирония в широком смысле слова часто применялась византийскими авторами. Как показано в работах Я. Н. Любарского, византийские писатели под маской иронистов могли передавать своё скептическое отношение к описываемым событиям. Например, Никита Хониат создавал комический эффект с помощью библейских и гомеровских цитат в высоком стиле, которые контрастировали с реальным масштабом объекта иронии (Lyubarsky 2012a: 453).

Авторы российских рукописных риторических руководств оставляют без внимания подобное широкое толкование иронии, предпочитая рассматривать её как троп с ограниченной областью употребления.

Составитель вологодской риторики, ссылаясь на Квинтилиана, подчеркивает сходство иронии и шутки, а также выделяет несколько разновидностей иронии в градации от наиболее мягкой до наиболее острой — хариентизм, акцизм, сарказм, миктеризм. Данная классификация наиболее близка византийскому пониманию иронии, закреплённому в лексиконе Суды, в котором *εἰρωνεία* определяется как *χλευή ἢ ὑλόκρισις* (насмешка или притворство) и уточняется понятиями *μικτηρισμὸν*, *σαρκασμὸν*, *ἀστεϊσμὸν* (Suidae lexicon 1928: Eī 210) (см. Lyubarsky 2012b: 462). Хариентизм, как полагает вологодский автор, заключается в замене резких выражений мягкими ради шутки (“*dura mollioribus verbis per iocum notantur*”) (Nastavleniya 1764: 31). Акцизм, согласно вологодскому ритору, состоит в притворном отклонении наиболее желанного (“*recusans ea, vel dissimulans, quae maxime cupimus*”). Сарказм трактуется как оскорбление несчастных недругами (“*qua miseris inimici insultant*”), а о миктеризме говорится, что он больше проявляется в жестах, чем в словах («*fit gestu magis quam verbis*») (Nastavleniya 1764: 31). Заметим, что в риторике Феофана Прокоповича, послужившей одним из основных источников вологодского руководства, даются несколько иные, более конкретные толкования хариентизма и сарказма. Следует уточнить, что Феофан Прокопович

как тропы, так и фигуры определял словами “schemma” или “figura”. Хариентизм определяется следующим образом: “Charientismus est festivum schemma cum aliquem mordaciter quidem, sed quadam cum amoenitate perstringimus, et est haec figura ad deprimendos perditos homines et maxime superbos” («Хариентизм есть красивая фигура, заключающаяся в том, чтобы ужалить кого-либо больно, но с некоторым изяществом, и служит она для порицания порочных людей, в особенности надменных») (Procopovič 1982: 263). В переводе Г.А. Стратановского учтен несколько иной вариант этого фрагмента, указанный в издании Р. Лахманн как разночтение: “ut scilicet soli illi in quem haec dicitur amarum sit, caeteris auditoribus iucundum et suave videatur: Et est haec figura aptissima ad deprimendos”: «Хариентизм есть остроумная фигура, когда мы, хотя и колко, но всё же с некоторой приятностью кого-нибудь задеваем, так что она, разумеется, причиняет неприятность только тому, к кому относится, другим же слушателям, по-видимому, приятна и доставляет удовольствие. Эта фигура наиболее пригодна для того, чтобы смирать людей развращённых и особенно высокомерных» (Feofan Procopovich 2020: 253). Сарказм, согласно Прокоповичу, состоит в том, чтобы едкой шуткой клеймить нечто позорное и безобразное (“aliquid faedum et deforme cum quodam acerbo ioco exprobramus”) (Procopovič 1982: 277).

Автор нижегородской риторики разновидностью иронии называет антифразис, приводя следующее толкование тропа: “Antiphrasis est rerum denominatio ex indole contraria. ut parcae nonnullis dicuntur, quasi minime parcentes” («Антифразис есть обозначение предметов по противоположному свойству, например, Парками называют наиболее беспощадных») (Rhetorica 1766: 14 (об)). По-видимому, это хрестоматийный пример, он встречается, например, у Доната (17b): “Parcae eo quod nulli parcant” («Парки — потому что никого не щадят»). Этот же пример приводит составитель коломенской риторики (Praecepta de arte rhetorica... 1761: 115). Гиперболу нижегородский ритор также рассматривает как вид иронии, хотя её суть состоит в преувеличении, а не в придании высказыванию противоположного смысла, что противоречит приведённому в этой риторике определению иронии.

Примерами иронии в учебных риториках чаще всего служат высказывания Цицерона. Цицерон пользовался заслуженной репутацией ирониста (ὁ εἴρων), как со ссылкой на Квинтилиана и Макробия называли его ренессансные авторы (Кпюх 1989: 34).

Так, в коломенской риторике в качестве примера иронии используется фраза Цицерона из первой Катилинари: “Nos autem, viri fortes, satis facere rei publicae videmur, si istius furorem ac tela vitemus” (“Нам же, храбрым мужам, кажется, что мы достаточно сделаем для республики, если избежим стрел его ярости») (Cic. *Cat.* I). В нижегородском руководстве примером служит выражение Цицерона “Praeclarum ovium custodem ut ajunt lupum” («Волк, как говорят, замечательный овечий пастух!») (Cic. *Phil.* 3, 11, 27).

Вологодский ритор обращает внимание на функции иронии: “Usus ironiae maximus est, ut in iocis et salibus, ita enim cum mordere volumus, vel nimis stupida adversarii argumenta confutamus” («Ирония чаще всего используется, подобно шуткам и островам, когда мы хотим уязвить (кого-либо), или опровергаем слишком глупые аргументы противника (Nastavleniya 1764: 30 (об)).

Мануил Базилевич, автор смоленской риторики 1756 г., называет несколько иные функции иронии: “Ironia venustat orationem, recreat auditorem, valet ad contemptum rei alicuius exprimendum” («Ирония украшает речь, освежает слушателя, нужна для выражения презрения к чему-либо») (Basilevicz 1756: 117). Смоленский ритор приводит примеры использования тропов и фигур для амплификации и, в частности, показывает, как с помощью иронии можно амплифицировать тезис “Honores mutant mores”: “Ita est, auditores; ita, credo, censetis; tam validi sunt humeri nostri, ut magnos honores ferre sine mentis aut more corruptione facile possumus” («Так, слушатели; так, верю, вы думаете: так крепки наши плечи, что мы легко можем вынести большие почести без порчи ума и нравов») (Basilevicz 1756: 36 (об)).

В ораторской практике XVIII века ирония употреблялась не очень широко. В наиболее распространённых в то время жанрах эпидейктического красноречия редко прибегали к ироничному тону. Как следует из предписаний риторических руководств, ирония считалась уместной в споре, служила для уязвления противника или выражения к нему презрения, то есть, в большей степени находила применение в практике академического красноречия, в учебных декламациях. Вместе с тем не вызывал сомнения статус иронии как одного из основных тропов.

Литература

- Basilevicz 1756: Basilevicz, Manuel. *Opus artis oratoriae...* Smolensk college. 1756 // Russian State Library. F. 733 (Smolen.), № 21.
- Basilevicz 1756: Basilevicz, Manuel. *Opus artis oratoriae...* Смоленская коллегия. 1756 // РГБ. Ф. 733 (Смолен.), № 21.
- Eloquentia 1743–1744: *Eloquentia ligata artificii in articulos divisa atque ad usum Roxolanae juventuti in Mosquensi orthodoxa academia commodata*. 1743–1744 // Russian State Library. F. 341, № 2136.
- Eloquentia ligata artificii in articulos divisa atque ad usum Roxolanae juventuti in Mosquensi orthodoxa academia commodata* (Красноречие, искусно разделённое на статьи, приуроченное к пользованию российского юношества в Московской православной академии). 1743–1744. // РГБ. Ф. 341, № 2136.
- Feofan Procopovich 2020: *Ob iskusstve ritoricheskoy desyat' knig* / tr. by G. A. Stratanovski. Moscow, St. Petersburg: Alyans-Archeo, 2020.
- Феофан Прокопович. 2020: *Об искусстве риторическом десять книг* / пер. Г. А. Стратановского. М.; СПб.: Альянс-Архео.
- Knox, Dilwyn 1989: *Ironia: medieval and Renaissance ideas on irony*. N.Y.: Columbia University.
- Lyubarsky, Ya. N. 2012a: Byzantine Irony: The Example of Niketas Choniates. In: Lyubarsky Ya. N. *Istoriki i pisateli Vizantii (VI–XII vv.)*. St. Petersburg: Aleteya, 2012, 447–457.
- Любарский, Я. Н. 2012а: Byzantine Irony: The Example of Niketas Choniates. В сб.: Любарский Я. Н. *Историки и писатели Византии (VI–XII вв.)*. СПб.: Алетейя, 2012, 447–457.
- Lyubarsky, Ya. N. 2012b: [Irony among the Byzantines: the example of Michael Psellos]. In: Lyubarsky Ya.N. *Istoriki i pisateli Vizantii (VI–XII vv.)*. St. Petersburg: Aleteya, 2012, 458–473.
- Любарский, Я. Н. 2012б: Ирония у византийцев: пример Михаила Пселла. В сб.: Любарский Я. Н. *Историки и писатели Византии (VI–XII вв.)*. СПб.: Алетейя, 2012, 458–473.
- Nastavleniya 1764: *Nastavleniya po ritorike na primerakh iz latinskikh avtorov [Instructions in rhetoric using the examples by Latin authors]*. Vologda seminary. 1764 // Russian State Library. F. 122, № 14.
- Наставления 1764: *Наставления по риторике на примерах из латинских авторов...* Вологодская семинария. 1764 // РГБ (Великоустюжское собрание). Ф. 122, № 14.
- Praecepta de arte rhetorica 1761: *Praecepta de arte rhetorica ex auctoribus, qui genuinam dicendi rationem attigerunt...* Kolomna seminary. 1761 // Russian State Library. F. 173.1, № 357, 85–193.
- Praecepta de arte rhetorica ex auctoribus, qui genuinam dicendi rationem attigerunt...* Коломенская семинария. 1761. // РГБ. Ф. 173.1, № 357, 85–193.

- Praecepta oratoria 1759: *Praecepta oratoria ex antiquis atque recentioribus auctoribus excerpta...*Ryazan seminary. 1759 // Russian State Library. F. 194 (К. И. Невоструева), № 43.
- Praecepta oratoria ex antiquis atque recentioribus auctoribus excerpta...* Рязанская семинария. 1759 // РГБ. Ф. 194 (К. И. Невоструева), № 43.
- Procopovič 1982: Procopovič Feofan. De arte rhetorica libri X. *Slavistische Forschungen*. Köln; Wien, 1982.
- Rhetorica 1766: *Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam liber: Kurs lekcij po ritorike, chitannyh v Nizhegorodskoj seminarii [A course of lectures on rhetoric, held at the Nizhny Novgorod Seminary]*. 1766 // РГБ. Ф. 312, № 78.
- Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam liber: Курс лекций по риторике, читанных в Нижегородской семинарии. 1766 // РГБ. Ф. 312, № 78.
- Suidae lexicon 1928: Adler, A. (ed.). *Suidae lexicon*. Leipzig: Teubner, 1928. Bd. 1.